

Методологические основы изучения научных коммуникаций российской провинциальной археологии к. XIX – н. XX в. (на примере Вятской и Пермской губерний)

ВАНЮШЕВА КСЕНИЯ ВИКТОРОВНА

Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
e-mail: vanksu@inbox.ru

Научные коммуникации являются важной характеристикой существования и развития археологической науки в России. В статье описана теоретическая модель исследования научных коммуникаций в российской провинциальной археологии конца XIX – начала XX в., созданная автором на основе междисциплинарного подхода. В результате апробации ее на материалах Вятской и Пермской губерний были получены данные о значении разных форм коммуникаций для развития идей, методов, организационных структур в провинциальной археологии.

Ключевые слова: научные коммуникации, провинция, история археологии, методология, Вятская губерния, Пермская губерния.

Изучение научных коммуникаций в российской археологии имеет важное значение, без них невозможно представить ни одно научное сообщество: обмен результатами исследований посредством личного общения, публикаций, чтения докладов на заседаниях научных обществ, археологических съездах и конференциях, совместные полевые исследования – все это разные формы коммуникаций, без которых невозможно было развитие науки (как содержания, так и способов получения знаний). В условиях становления профессиональной исследовательской культуры в России в конце XIX – начале XX в. именно коммуникации стали стержнем формирующегося археологического сообщества.

Для провинциальных исследователей, находившихся в отдалении от государственных образовательных и научных учреждений, быть включенным в широкую коммуникационную сеть было очень важно, т.к. проведение изысканий на местах в соответствии с передовыми идеями требовало постоянно быть в курсе дисциплинарных изменений. Знакомство с известными учеными и их поддержка имели и социальное значение. Оно выражалось в приобретении определенного статуса, благодаря чему новичку оказывалось доверие в профессиональных кругах. Поэтому весьма актуально обращение к изучению научных коммуникаций, посредством которых в России происходило становление археологии как самостоятельной научной дисциплины.

Более того, анализ исторически складывавшейся системы коммуникаций в российской археологии позволяет проследить процесс накопления и распространения знаний внутри дисциплины, их эволюцию, осмыслить региональные особенности изучения археологических данных. Исследование коммуникаций имеет не только научное, но и социальное значение в процессе профессиональной социализации нового поколения российских археологов.

Отдельные аспекты проблемы рассматривались в трудах по истории российской археологии в контексте других исследовательских задач А.С. Смирновым [26], И.Л

Тихоновым [27], Л.Ю. Китовой [10. С. 152-159], Д.В. Серых [25], Н.И. Платоновой [24], С.В. Кузьминых [13. С. 6-8], с точки зрения развития региональных коммуникаций можно выделить работы О.М. Мельниковой [15. С. 120-125; 16. С. 76-86], Г.П. Мягкова [19], С.Ю. Измайловой [8. С. 75-100], Г.Р. Назиповой [21], К.А. Руденко [9], Т.И. Оконниковой [23], В.А. Бердинских [3. С. 61-71], О.В. Игнатъевой [7. С. 637-658]. Таким образом, описывались контакты в рамках научных организаций, в качестве иллюстраций взаимоотношений приводились письма исследователей, анализировалась история отдельных учреждений и научных обществ. Однако программа исследования научных коммуникаций, критерии выделения их форм и система анализа содержания коммуникаций в археологии оказались еще не разработаны.

Изучение взаимодействия между деятелями археологии конца XIX – 20-х гг. XX в. требовало разработки методологии исследования. Это определило выбор междисциплинарного подхода как основного, т.к. в целом ряде научных дисциплин (науковедении, информатике, социологии, социальной психологии, лингвистике) коммуникации ученых являются предметом изучения уже длительное время [1, 2, 4, 17, 28, 29], а в последнее десятилетие к этому вопросу обратилась и историческая наука [12. С. 293-294; 18]. Важно было извлечь из них наиболее ценный опыт, на основе которого сконструировать подходы к изучению коммуникаций в археологии, решить задачи упорядочения информационных потоков, наполнявших провинциальных деятелей археологическими сведениями, определить эффективность каналов научной связи для развития той или иной сферы археологической науки. Не претендуя на исчерпывающие сведения, обозначим наиболее существенные позиции, которые максимально полно раскроют предмет исследования.

Основополагающее значение для исследования научных коммуникаций в истории археологии имеют теории социологии науки [4, 11, 14, 28, 29]. Они создают такую модель коммуникаций, где все субъекты, владеющие кодом, т.е. занимающие какое-либо место в научном сообществе, оказываются включенными в научный диалог (через непосредственное межличностное общение или создание/изучение научной публикации). Т.е. теоретически любая озвученная мысль имеет значение для глобального процесса развития науки. Но практически, ценность этой мысли-идеи зависит от ее места в сетевом информационном пространстве: при широкой известности она будет стимулировать интеллектуальную деятельность сообщества, вследствие чего, высока вероятность получения продуктивных результатов в одной из отраслей знания. Иначе она имеет большую вероятность остаться незамеченной, неразвитой. На личностном уровне это определяет стремление ученых занять в коммуникативном пространстве дисциплины ключевые позиции.

Науковедческий подход, социальная психология и конкретные историографические наработки дополняют этот подход и ставят акцент на созидательной стороне коммуникаций, в ходе которых происходит наукотворчество участников [1, 2, 17, 22]. Кроме того, выделенная в рамках науковедения и успешно применяемая в историографической практике, структура коммуникативного пространства науки позволяет перейти к конкретно-историческому аспекту изучения научных коммуникаций в истории археологии.

На этой теоретической основе автором была сконструирована модель исследования, которая позволила упорядочить разнохарактерные и, на первый взгляд, не сравнимые вещи, такие как научные публикации и научные общества, в целостную систему. При многомерности содержания самого понятия «научные коммуникации» была решена проблема выбора единых, существенных для исследования критериев оценки коммуникативных событий (актов).

Коммуникации как социальный процесс, представляющий собой непрерывную цепь различного рода взаимодействий участников, были разложены на отдельные фрагменты – коммуникативные акты. Базовыми категориями коммуникативного акта являются участники, сообщения, каналы и эффективность, они могут составлять следующую структуру.

Участники коммуникации характеризуются относительно их принадлежности к определенным территориально-пространственным группам. В соответствии с этим по составу участников выделяются коммуникационные события внутреннего (в пределах одной организации, региона) и внешнего (общероссийского, европейского) уровней. Данный параметр коммуникаций определяет круг обсуждаемых проблем и возможности их решения.

Сообщения, передаваемые в ходе коммуникации, зависят от состава участников и канала передачи. Они вскрывают точки соприкосновения коммуникантов. Чем больше общих тем для обсуждения, тем крепче возникшая научная связь, следовательно, выше возможность продуктивного получения новых знаний.

Каналы передачи сообщений в археологическом сообществе можно разделить на непосредственные и опосредованные (см. Схема 1). Первая группа по степени интенсивности общения распадается на каналы постоянной коммуникации, такие как научные общества, ограниченной – классические университеты, археологические институты, эпизодической – Археологические съезды. Вторая группа по направленности сигналов делится на сообщения, направленные большому числу потребителей, – публикации и на личные послания – письма. Последние, в свою очередь, могут быть формальные и неформальные по своему содержанию. Каждый из этих каналов коммуникации имеет свои сильные и слабые стороны, поэтому для достижения максимальной продуктивности в реализации научных проектов необходимо сочетать разные пути передачи/получения сообщений. Анализ каналов передачи сообщений и их пространственного расположения приведет к выявлению уровня развития инфраструктуры официальной археологической науки в конце XIX – 20-х гг. XX в. Он, в свою очередь, определяет долю случайности в процессе распространения научной информации, а, следовательно, является маркером эффективности функционирования научного сообщества.

Эффективность коммуникации выражается в материальных и нематериальных последствиях общения, таких как написание и издание новых научных работ, складывание союза единомышленников, решение исследовательских проблем, научных озарениях.

Применение данной модели к изучению истории археологии в Вятской и Пермской губерниях в конце XIX – 20-х гг. XX в. стало возможным благодаря использованию в качестве источников материалов периодической печати («Вятских губернских ведомостей», «Вятской речи»), продолжающихся изданий научных обществ и учреждений («Памятных книжек и календарей Вятской губернии», Вятских и Пермских «Епархиальных ведомостей», «Трудов Вятской ученой архивной комиссии»), а также переписки региональных археологов О.Е. Клера, Н.А. Рыжникова, И.Я. Кривошекова, Ф.А. Теплоухова, И.Г. Остроумова, В.С. Малченко, А.С. Лебедева, М.С. Тюнина, Л.А. Беркутова, Н.Г. Первухина со столичными и провинциальными коллегами [5. С. 108-112; 6. С. 107-111].

Исследование дало следующие результаты. Научные коммуникации провинциальных археологов Вятской и Пермской губерний осуществлялись как на внутреннем уровне, включающем губернских и региональных коллег, так и на внешнем (общероссийском) – со столичными специалистами и археологами других регионов страны. Площадками для внутрорегионального общения были научные общества

– Уральское общество любителей естествознания и его пермское отделение, Общество изучения Прикамского края в г. Сарапуле, Кукарское образовательное общество, Общество любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края, Историческое общество в г. Малмыже, а также ряд церковно-археологических обществ; Казанский и Пермский университеты; периодические и продолжающиеся издания. Площадками общероссийской коммуникации были Императорская археологическая комиссия, Московское археологическое общество, столичные университеты / археологические институты, Археологические съезды, центральные печатные издания.

Базой развития профессиональной деятельности была формальная коммуникация, представленная монографическими публикациями и статьями в периодических и продолжающихся изданиях. Столичные печатные издания («Материалы по археологии России», «Материалы по археологии восточных губерний России», «Археологические известия и заметки», «Известия Императорской Археологической Комиссии», «Записки Русского археологического общества» и пр.) служили провинциальным археологам, скорее, источником получения различных сведений, чем площадкой для равноправного диалога. Конечно, спектр этих сведений был достаточно широк: новости о проводимых раскопках в России и за рубежом, вопросы методики полевых и камеральных исследований (как в форме непосредственных инструкций, так и через отдельные примеры из историографических, биографических заметок), теоретические материалы, библиографические сообщения и т.д. Это позволяло в общих чертах представить текущее положение дел в дисциплинарном сообществе, выбрать свободную нишу для научных исследований, наметить соратников и оппонентов. Что касается провинциальных печатных изданий (памятные книжки, губернские ведомости, епархиальные ведомости, «Труды» ученых архивных комиссий, «Известия» местных научных обществ, частные газеты), то они позволяли стабильно вводить научный оборот археологические источники и были площадкой публичного диалога о задачах и проблемах археологической науки. Доступные по цене периодические издания возбуждали и поддерживали интерес к древностям среди широких слоев образованной публики. Тем самым обеспечивался постоянный приток новых кадров в науку.

Другие виды коммуникации также имели большое значение для развития российской археологической науки.

Университеты Москвы и Петербурга, но в большей степени Казани, и археологические институты были средством вхождения молодого поколения вятских и пермских деятелей в большую науку. Вертикальная коммуникация с преподавателями и старшими товарищами передавала как фактический материал по древнейшим периодам истории, так и транслировала особенности научного языка дисциплины, профессиональную культуру археологов (нормы, ценности).

Всероссийские и областные археологические съезды предполагали непродолжительное, но интенсивное научное общение с широким составом участников. Это значит, что была возможность найти единомышленников, будущих соавторов, наладить деловые отношения с представителями крупных научных центров страны, заручиться их расположением или даже покровительством. Так, с VII ярославского археологического съезда устанавливаются постоянные личные контакты вятских деятелей А. А. Спицына и Н. Г. Первухина с председателем Московского археологического общества П. С. Уваровой. Вскоре они оба были избраны членами-корреспондентами этого общества. На областном археологическом съезде в Костроме председателем секции первобытной истории был уже видный археолог А. А. Спицын, а секретарем – начинающий родиновед А. С. Лебедев. Схожесть ин-

тересов сблизила этих людей: оба родом из Вятки, изучали Пижемское городище. Юношеская страсть заниматься родиноведением и необычайная рассудительность А. С. Лебедева подкупили А. А. Спицына, и он поддержал идею молодого человека об организации общества-музея в слободе Кукарке. На этом же съезде произошло знакомство А. С. Лебедева с финским археологом А. М. Тальгреном, который на всю жизнь стал частным поверенным Александра Сергеевича, его научным вдохновителем [20]. Съезды были существенным средством мобилизации сил образованной общественности на решение актуальных проблем археологии, позволяли увидеть новые перспективы и решения исследовательских задач.

Научные общества создавали условия для постоянного научного общения, в содержательном плане были ориентированы на решение вопросов местного значения. Передача сведений о находках, организация работ по поиску, обследованию, изучению памятников древности, оперативный обмен новостями. Члены научных обществ, вероятно, имели возможность обсудить наиболее важные вопросы при личной встрече, но в силу занятости каждого по своему основному месту службы переписка становилась тем каналом коммуникации, который позволял незамедлительно, пока свежи эмоции, поделиться информацией об интересных находках, встречах, сообщениях, идеях. Там впервые происходила публичная презентация работы, коллегиально вырабатывались программы по сохранению и изучению местных древностей. На общероссийском уровне взаимодействие различных научных обществ позволяло получать необходимую литературу, оперативно обмениваться новостями, консультироваться, изыскивать возможности публикации.

В отсутствие возможности регулярного непосредственного межличностного общения коммуникации поддерживались путем частной переписки, которая позволяла оперативно обмениваться информацией, поддерживать диалог вне зависимости от места пребывания коммуникантов. Это был один из способов сохранения деловых отношений между научными обществами и отдельными исследователями. Научные достижения (результаты раскопок и теоретических разработок, изменения в методике, организация музеев, кружков, образовательных обществ и т.д.) деятелей разных регионов России являлись постоянным предметом обсуждения. Письма давали возможность обговорить, разобрать собственную работу (процесс, результаты, перспективы). В ходе работы над кандидатской диссертацией автором было проанализировано свыше 80 личных писем вятских и пермских деятелей столичным и провинциальным коллегам, был получен огромный массив сведений расширяющих, уточняющих биографические данные адресатов, а также ценнейшая информация о внутренних механизмах научной деятельности того времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ.

1. Андреева Г.М. Социальная психология. [Электронный ресурс] Электрон. дан. М., 1994. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/andrg01/txt05.htm> (дата обращения: 17.04.2012).
2. Астафьева О.Н. Личность ученого в системе научных коммуникаций (часть 1) // Личность. Культура. Общество. 2009. Том 11. Вып. 4 (№№ 51-52).
3. Бердинских В.А. Из эпистолярного наследия Дмитрия Константиновича Зеленина // Советская этнография. 1978. С. 61-71.
4. Бурдые П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2005. 288 с.
5. Ванюшева К.В. Письма как источник изучения истории археологии в Приуралье // Российская археология. 2012. № 2. С.108-112.
6. Ванюшева К.В. Научные публикации в системе профессиональной подготовки археологов в российской провинции (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Удмуртского университета. 2014. Серия «История и филология». Вып. 1. С. 107-111.

7. Игнатьева О.В. Императорская археологическая комиссия и археология Пермской губернии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. СПб., 2009. С. 637-658.
8. Измайлова С.Ю. Творческая лаборатория провинциального ученого (по материалам переписки казанского археолога и нумизмата А.Ф. Лихачева) // Поволжская археология. № 3(9). Казань, 2014. С. 75-100.
9. И это все пройдет... Судьбы и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899-1921 гг.) / Под ред. К.А. Руденко. Казань, 2012. 264 с.
10. Китова Л.Ю. Штрихи к научной биографии С.А. Теплоухова: два письма А.М. Тальгрёну // Археология Южной Сибири: сборник научных трудов, посвященный 30-летию кафедры археологии КемГУ. Вып.24. Кемерово, 2006. С. 152-159.
11. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. 1280 с.
12. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII-XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 293-294.
13. Кузьминых, С.В. В.А. Городцов и А.М. Тальгрёну: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее: тез. конф. Ч. 1. М., 2003. С. 6-8.
14. Луман Н. Понятие общества [Электронный ресурс]. Электрон. дан. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/luman/pon_ob.php (дата обращения: 20.04.2012).
15. Мельникова О.М. Становление профессиональной археологии в российской провинции в начале XX: А.А. Спицын и Музей Сарапульского земства // История и практика археологических исследований. СПб., 2008. С. 120-125.
16. Мельникова О.М. «Помянух дни древние, и поучихся во всех делах твоих...» (заметки о методологии археологических исследований на страницах «Вятских епархиальных ведомостей») // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. – Ижевск, 2011. С. 76-86.
17. Михайлов А.И. Научные коммуникации и информатика. М., 1976. 436 с.
18. Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1: Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII – XIX вв. М., 1998. 383 с.
19. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 295 с.
20. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрёну / Публ. С. В. Кузьминых, О. М. Мельниковой, К. В. Ванюшевой // Вестник Удмуртского университета. Вып. 2. Серия «История и филология». Ижевск, 2008. С. 171–200.
21. Назипова Г.Р. Университет и музей: исторический опыт губернской Казани. Казань, 2004. 396 с.
22. Огурцов А.П. Научный дискурс: власть и коммуникация (дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. №3. С. 12-59.
23. Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в.). Ижевск, 2002. 173 с.
24. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб, 2010. 314 с.
25. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.

Казань, 2014. 188 с.

26. Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М., 2011. 592 с.

27. Тихонов И.Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. 332 с.

28. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 380 с.

29. Штихве Р. К генезису мирового общества – инновации и механизмы [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. Электрон. дан. 1999. Т. 2. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.old.jourssa.ru/1999/3/5stichw.html> (дата обращения: 10.10.2012).